

МУЗЕЙ ПАЛЕОГРАФИИ АКАДЕМИКА Н. П. ЛИХАЧЕВА И ЕГО СУДЬБА (1925–1930)

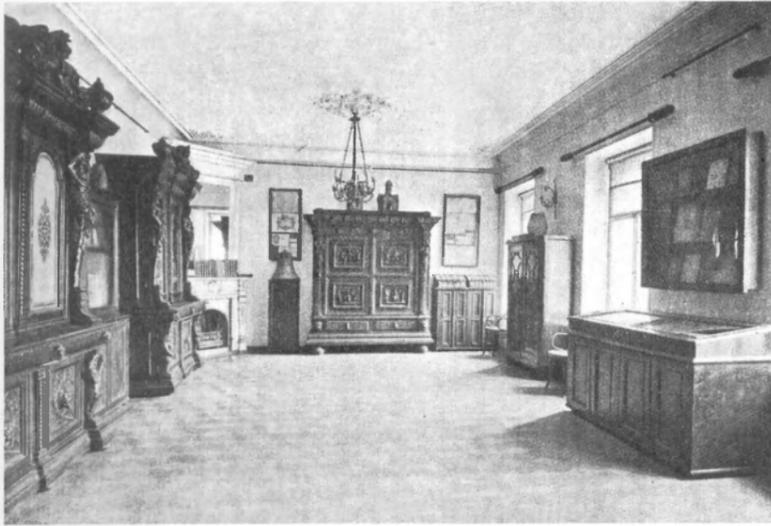
Е. Н. Мещерская, Е. К. Пиотровская

Сведений о том, как был создан и как функционировал Музей палеографии Н. П. Лихачева, сохранилось очень мало. Мы располагаем двумя печатными изданиями – статьями, написанными самим Н. П. Лихачевым, которые по содержанию повторяют друг друга [Лихачев 1925; Лихачев 1927], а также отдельными архивными документами, хранящимися в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН [СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 1568, 1101 а; Ф. 217; Ф. 246. Оп. 1. Ед. хр. 223; Оп. 2. Ед. хр. 15, 47, 70, 73, 75, 76–95, 136, 138, 140, 142, 143 и др.]. Некоторые из этих документов были использованы в статьях М. Л. Свойского и Л. Г. Климанова [Свойский 1975. С. 185–194; 1977. С. 211–215; Климанов 1991. С. 424–453]. Отдельные факты из жизни Н. П. Лихачева и эпизоды существования музея в дореволюционные и особенно в 1920-е гг., а также события месяцев, предшествовавших закрытию музея, аресту ученого и последовавшей за этим трагедии, можно почерпнуть из дневника А. В. Орешникова [Орешников 2011].

Коллекция письменных памятников и документов Н. П. Лихачева стала складываться начиная с последней четверти XIX в. и формировалась до 1917 г. и лишь частично – позднее. Известно, что на заседании Правления Академии наук СССР 11 октября 1926 г. было принято решение ассигновать из кредита 1926/27 г. 175 рублей «на приобретение МУП старых дел для Соляной конторы за 1725–26 г. с чрезвычайно ценными материалами по погребению Петра I» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 154. Л. 20], а в 1926 или в 1927 г. на Литейном проспекте в Ленинграде у книжника был приобретен «платок желтый с манжурским [так!] текстом» [СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Ед. хр. 136. Л. 132 об.]. Уже сам коллекционер в процессе постоянного пополнения своего собрания столкнулся с источниковедческими проблемами установления подлинности документа и автографа, фальсификации источника, хронологии недатированных памятников. Решение всех этих вопросов требовало специальных знаний. Н. П. Лихачев получил широкое историко-филологическое образование в одном из лучших тогда университетов России – Казанском, поэто-

му с полным правом мог считать своей специальностью историческое источниковедение. Со временем он смог возглавить кафедру дипломатики в Петербургском археологическом институте, где читал лекции с февраля 1894 г., совмещая с 1902 г. преподавательскую работу со службой в должности помощника директора в Императорской Публичной библиотеке. Его деятельность по приведению в порядок и строгой систематизации библиотечных отчетов и обзоров должна служить предметом самостоятельного исследования [Сотрудники Российской национальной библиотеки 1995. С. 319–323].

Н. П. Лихачев пришел к мысли о создании Музея истории книги, письма и документа постепенно. По-видимому, с образцом подобного музея он познакомился в Лейпциге. Это был Музей истории книги и письменности, основанный в 1885 г. Полагаем, что Н. П. Лихачев неоднократно бывал в этом немецком городе, привлекаемый ежегодной книжной ярмаркой и антикварными магазинами, где коллекционеры имели возможность приобрести разнообразные книжные и рукописные редкости. Лейпцигскому музею, его истории и особенностям экспозиции посвящены специальные работы [Музей книги 1987. С. 28–29; Das Deutsche Buchmuseum 1925]. Основной идеей его экспозиции во времена Н. П. Лихачева была тема «Книга и общество». В фондах музея хранится более 500 тысяч экземпляров рукописей, инкунабул, редких и ценных изданий XVI–XX вв., оригинальной графики; в нем представлены коллекции бумаги, филиграней, шрифтов, типографское оборудование (оригинальное и модели), архивные документы и др. В 1950 г. этот музей стал одним из отделов восточногерманской Немецкой библиотеки, а после объединения Германии в 1990 г. Немецкая библиотека в Лейпциге была объединена с западногерманской Немецкой библиотекой во Франкфурте-на-Майне [www.leipzig-online.de]. Таким образом, музей сохранился и в наше время пользуется популярностью. О приобретении в Лейпциге отдельных материалов для собственного музея Н. П. Лихачев упомянул и в своих устных рассказах после возвращения из ссылки [СПФ АРАН. Ф. 246.

Музей палеографии. Выставка печатных документов и истории книжного переплета. 1925 г.

Оп. 2. Ед. хр. 136. Л. 106, 110]. Располагая такими сведениями, трудно признать справедливым мнение наших коллег – директора Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровского (высказанное им на открытии конференции 7 октября 2008 г.) и сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН (СПбИИ РАН) Л. Г. Климанова о том, что концепция музея у Николая Петровича оформилась исключительно под влиянием философских взглядов Н. П. Федорова (1829–1903), с которым он в конце XIX в. общался в библиотеке Румянцевского музея. (Напомним, что Н. П. Федоров служил как в библиотеке Румянцевского музея, так и в читальном зале Московского Архи-

ва Министерства иностранных дел.) Музей в его философской системе был центральным звеном. Особую роль он отводил вопросам происхождения и развития музея, критериям отбора предметов для обоснования необходимости хранения их в музее. Также он рассматривал проблемы связи музея и науки [Российская музейная энциклопедия 2001; Климанов 2009. С. 208–305]. Но сам Н. П. Лихачев в отчетах о своей деятельности неоднократно указывал на то, что «по задачам своим [его] Музей соответствует лейпцигскому „Музею книги“ со специальным уклоном в область истории документа и его аутентификации» [СПФ АРАН. Ф. 217. Ед. хр. 8. Л. 141. См.: Свойский 1975].

Нельзя также исключить, что музейные и коллекционерские представления Н. П. Лихачева сформировались под впечатлением от уникальных коллекций его предков. Историки культуры и музейные хранители помнят двух выдающихся собирателей XIX в., уроженцев Казани, дядей Николая Петровича – Андрея Федоровича (1832–1890) и Ивана Федоровича (1826–1907) Лихачевых. Оба они были страстными коллекционерами и оставили свои собрания городу Казани. Причем младший из братьев, Андрей Федорович, ушел из жизни раньше, а старший, Иван Федорович, будучи вице-адмиралом Российского военноморского флота и немало сил и энергии отдав в молодые годы служению и защите Отечества, выйдя в отставку, полностью посвятил себя музейному делу в современном его понимании. Он состоял в переписке с графиней П. С. Уваровой, и под ее влиянием, а также под влиянием идей археологических съездов в значительной степени формировались историко-культурные и музейные взгляды И. Ф. Лихачева. Особое внимание И. Ф. Лихачев уделял организации музеев в провинции, подчеркивая, что «основательное и глубокое изучение истории отечества, развития внутренней его жизни и роста его учреждений может одно только служить твердым и научным фундаментом для приготовления научных и верных общественных деятелей» [Труды VII Археологического съезда 1891. С. 338]. Отметим, что вице-адмирал И. Ф. Лихачев уже в те годы писал о необходимости подробного этикетажу для посетителей, каталогов, инвентарей, а также экскурсоводов («особая прислуга») и экскурсий («ученых прогулок»), которые в российских музеях конца XIX в. еще не проводились. Возможно, многие взгляды И. Ф. Лихачева на собира-

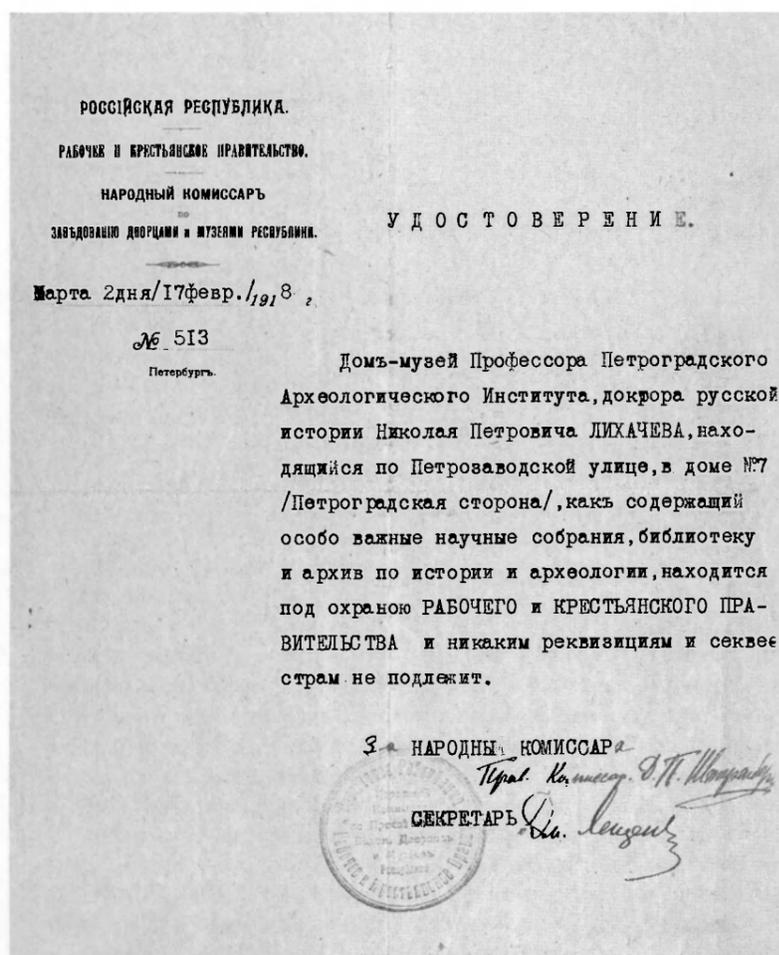
Музей палеографии. Выставка по истории писем

тельскую деятельность и принципы сохранения музейных коллекций повлияли на становление и развитие личности его племянника, будущего коллекционера и ученого. Отметим также, что в XX в. коллекции братьев А. Ф. и И. Ф. Лихачевых в Республике Татарстан послужили основой для двух знаменитых музеев – Национального музея и Государственного музея изобразительных искусств, хотя судьба коллекций также оказалась переменчивой. Предметы хранятся не только в разных фондах одного музея, но и в фондах библиотек разных музеев [Лихачев 1913]. Известно, что в Полянках, родовом имении Лихачевых, имелось не только уникальное собрание книг, составленное по отделам, формату и снабженное определенными номерами хранения, но была и коллекция оружия, курительных трубок, фарфора, живописи и гравюр европейских и русских мастеров. Об этом подробно изложено в статьях Г. Р. Назиповой и других исследователей, опубликованных в сборнике материалов научной конференции, посвященной роду Лихачевых, а также в каталоге выставки картин из собрания А. Ф. Лихачева. [Вербина 2006; Измайлова 2006; Ледянова 2006; Назипова 2002; Назипова 2006; Порфирьева 2006; Рамазанова 2006; Материалы 2006; Завещано Казани 2009¹].

Напомним, что в дореволюционные годы значительную часть коллекций Н. П. Лихачева составляло собрание икон (византийских и древнерусских). Но еще в 1913 г. около полутора тысяч икон были переданы Русскому музею императора Александра III. В своем интервью в 1991 г. корреспонденту газеты «Литератор» Л. Захаровой после открытия выставки «Из коллекций академика Николая Петровича Лихачева» в Государственном Русском музее О. П. Лихачева (1937–2003), внучка Николая Петровича, известный славист и палеограф [Алексеев 2003; Савельева 2004; Мещерская, Пиотровская 2005], объясняла: «Николай Петрович создал, по сути дела, два музея: иконописи и документа. Со временем собрание икон переполнило дом. Наверное, у каждого коллекционера наступает такой момент, когда для продолжения работы нужно с чем-то расстаться. Коллекция икон была принесена в жертву ради создания Музея палеографии – музея всеобщей истории письменности» [Лихачева 1991].

¹ Мы благодарим И. В. Порфирьеву за присланные экземпляры каталога и за постоянные консультации по истории рода Лихачевых.

К 1917 г. задуманный Н. П. Лихачевым музей в общих чертах уже был создан и находился в стадии систематической раскладки материалов. Он располагался в специально выстроенном для хранения и изучения коллекций доме, который находился в Петербурге на Петроградской стороне – Петрозаводская ул., д. 7. Дом построен по проекту петербургского архитектора Е. С. Воротилова (1836–1910), автора многих известных в Петербурге зданий, в том числе нового корпуса Публичной библиотеки (1896–1901) [Плешков 2005]. Еще до революции в доме была установлена специальная мебель: витрины, столы, шкафы и осветительные приборы, для защиты шкафов и витрин от света были заказаны в Италии особые шелковые ткани. Об этом можно судить по сохранившимся документам западноевропейской секции Архива СПбИИ РАН, где перечислены предметы мебели и осветительные приборы, имевшиеся в доме во время передачи музея в ведение Академии наук в 1925 г. На открытии выставки «„Пречистому образу Твоему поклоняемся...“ (Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея)», состоявшемся 12 января 1996 г. в корпусе Бенуа Государственного Русского музея, Л. Д. Лихачева показывала предметы мелкой пластики, связанные с тематикой экспозиции. Они прекрасно смотрелись на кусочках темно-зеленого шелка из наследия Н. П. Лихачева. [См.: АСПБИИ РАН. ЗЭС. Ф. 232. Архив находится в стадии описания]. Отдельные предметы мебели из дома Н. П. Лихачева находятся в настоящее время в СПбИИ РАН, БАН и ИВР РАН. Интерьеры дома почти не сохранились, так как уже после перемещения экспонатов музея в здание БАН в связи с упразднением МУПа было произведено несколько перепланировок и ремонтов, поскольку особняк использовался для различных ведомственных нужд Академии наук (есть устные свидетельства, что длительное время в нем располагалось аспирантское общежитие). Последние крупнейшие ремонтные работы были выполнены в 1960-е гг. перед переездом СПбИИ РАН из БАН на Петрозаводскую улицу. По сохранившимся документам 1902 и 1914 гг. «по постройке и оборудованию дома № 7 по Петрозаводской улице» можно судить, что в доме были каминные работы от скульптора К. О. Гвиди, поставщика двора его Императорского Величества, финляндские белые изразцовые печи, мраморные подоконники, паркетные полы. Фирмой Ф. Сан-Галли были выполнены 26 чугунных балюстрад для перил лестницы. Лестница была чугунная, винтовая. По устным воспоминаниям родственников Н. П. Лихачева, она располагалась на месте современной черной лестницы,

Удостоверение на охрану дома Н. П. Лихачева от 17 февраля (2 марта) 1918 г. СПФ АРАН

выходящей во двор. В простенных нишах имелись двери с полками, имелись в доме и столы на кронштейнах. Были заказаны даже каучуковые (!) трубы и дубовые кадки под водосточные трубы [СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Ед. хр. 15].

События Октябрьского переворота вынудили Н. П. Лихачева в целях сохранности коллекций присоединить музей сначала к Археологическому институту, а впоследствии, в качестве Палеографического кабинета, – к Археологическому отделению Государственного университета. Об этом свидетельствует документ, адресованный народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому, от 29 апреля 1918 г. [СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 1. Ед. хр. Л. 1]. В нем, в частности, сказано, что «Институтом устраиваются аудитории для подготовки ученых специалистов по дипломатике, сфрагистике и историографии...». Сохранилось удостоверение от 26 мая 1921 г., под-

писанное, в частности, зав. отделом по охране, учету и регистрации памятников искусства [и] старины В. Ерыкаловым, в котором говорится об «исключительном значении библиотечных и архивных ценностей» тогда еще Археологического института [Там же. Л. 8].

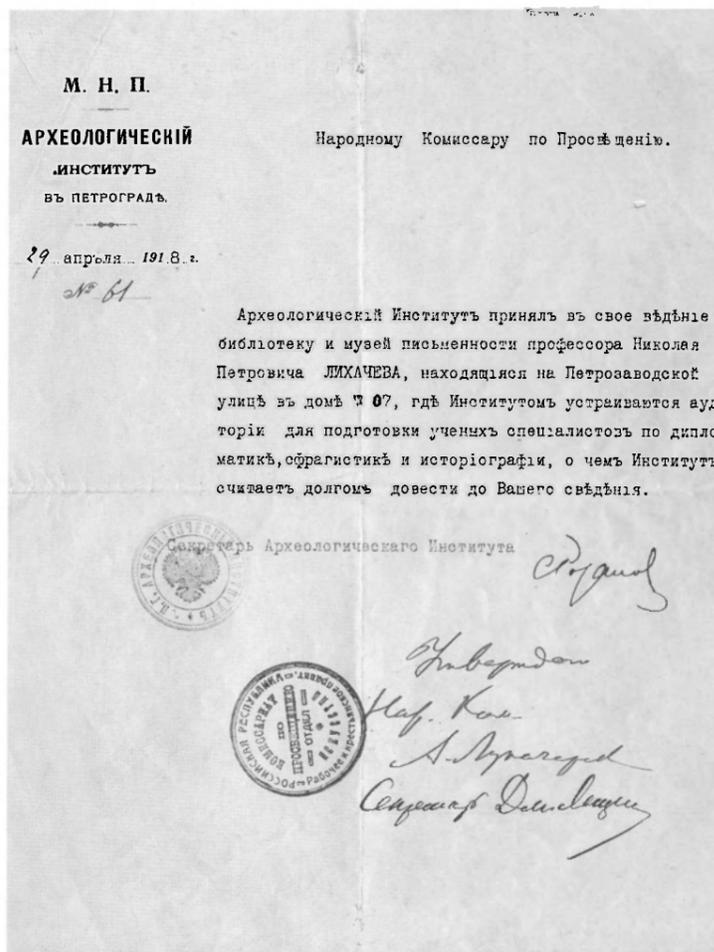
Впоследствии постановлением Общего собрания АН СССР от 1 августа 1925 г. Палеографический кабинет был передан в ведение Академии наук и стал называться Музеем палеографии [Вестник АН СССР 1931а; Из коллекций Н. П. Лихачева 1993. С. 128–197, 236–275]. Тогда же, летом 1925 г., Н. П. Лихачев за выдающиеся научные заслуги и большой вклад в науку был избран действительным членом АН СССР и назначен заведующим вновь образованным музеем. Помимо самого Н. П. Лихачева, в штат музея входили научная сотрудница Зинаида Николаевна Шамонина и младшие служащие – Мария Ивановна Милешина и Алексей Алексеевич Прозоровский [Лихачев 1925. С. 8]. Из биографии известного отечественного востоковеда Ю. Я. Перепелкина известно, что в 1927 г. он был принят в число сотрудников музея, где занимался изучением памятников письменности Древнего мира и раннего Средневековья. Музей был открыт для посетителей по предварительной договоренности с заведующим.

К моменту создания музей насчитывал около 80 тысяч памятников письменности из разных коллекций, однако к моменту его открытия уже произошли частичные утраты экспонатов из-за тягот Гражданской войны (невозможность отопить здание, сильные перепады температур), а также вследствие разрушительного петроградского наводнения 1924 г. Об этом известно из протокола собрания специалистов, приглашенных Н. П. Лихачевым для совещания о положении Палеографического кабинета, от 8 ноября 1924 г. Среди приглашенных были В. В. Бахтин, П. В. Ернштедт, В. В. Майков, А. Н. Римский-Корсаков, А. И. Хоментовская, З. Н. Шамонина, П. Н. Шеффер, В. К. Шилейко [СПФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 61–64]. На ученом собрании поднимался вопрос о каталогизации и инвентаризации материалов коллекций. Отдельные материалы этих коллекций уже были частично описаны современниками Н. П. Лихачева. Собравшиеся также отмечали, что «система коробок, введенная Н. П. Лихачевым, и раскладывание актов в листы синей папки, толстой и пружинящей, прекрасно расправляющей бумагу и в то же время охраняющей печать, система, неэкономная в отношении места, очень

облегчает от раскладывания в систематическом порядке. Разбор и раскладка документов по картонам производится постепенно Н. П. Лихачевым. Прикрепление к листу может быть легко сделано простой нумерацией картонов по полкам, но инвентаризация и каталогизация требуют длительной работы специалистов. Схема каждого документа требует прочтения палеографом и выяснения содержания» [СПФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 62 об.].

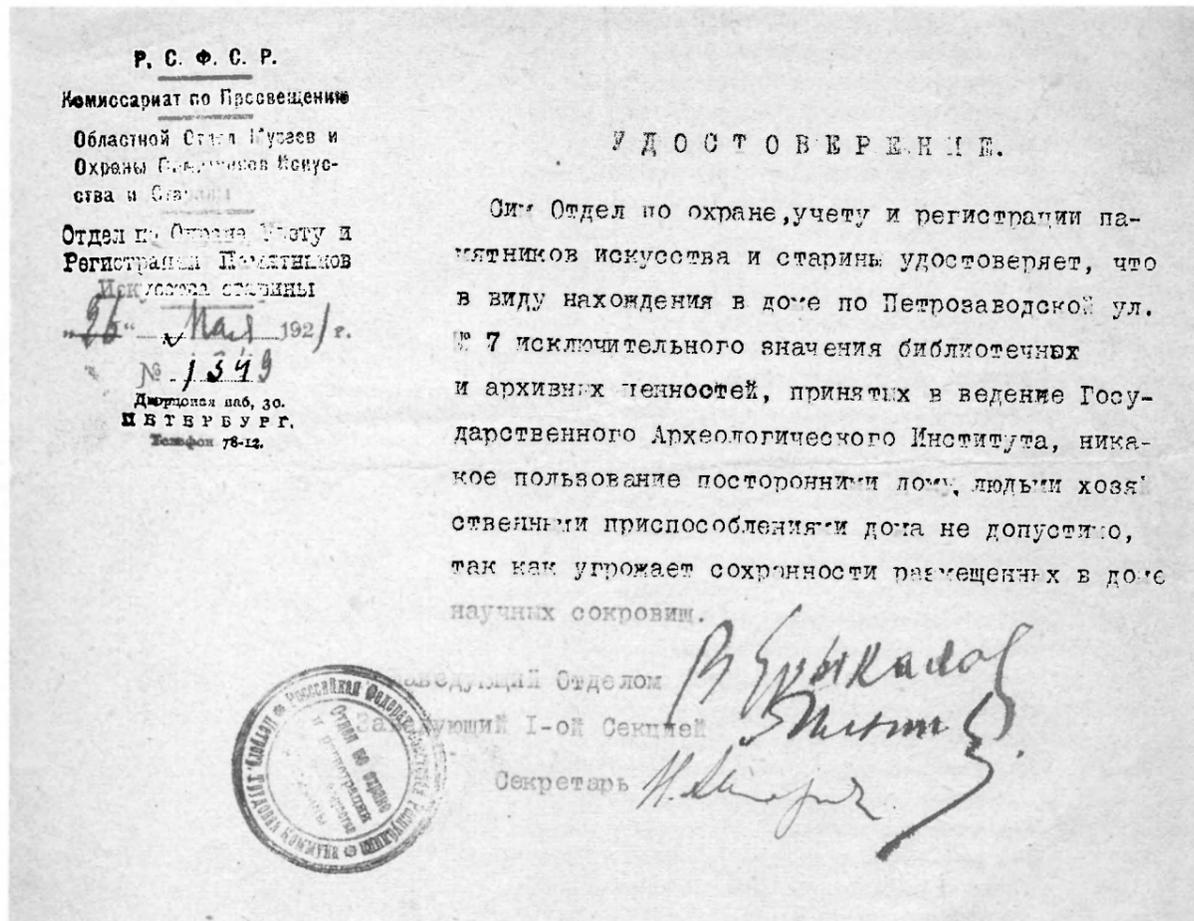
В 1925 г. было опубликовано краткое описание состава коллекций музея, выполненное самим Н. П. Лихачевым [Лихачев 1925].

В музее были представлены образцы письма начиная с древнейших времен (четвертое тысячелетие до н. э.) до XX в. Н. П. Лихачев выработал свои собственные строгие принципы систематизации материалов. В основу экспозиции была положена двухчастная классификация. Первая часть – оригиналы документов, расположенные в витринах, шкафах и картонах. Вторая часть включала в себя серии книг, брошюр, периодических изданий и специальных альбомов, иллюстрирующих подлинные документы. Эти книжные серии располагались в библиотечных шкафах рядом с витринами, где и находились экспонаты. Далее подлинники подразделялись на отделы, формировавшиеся исходя из внешних особенностей документа и материала, на котором он был создан (памятники на металле, камне, дереве, глине; памятники на папирусе, пергамене, бумаге; печатные документы и их серии). Часть экспозиции, называвшаяся «Памятники выставленные», состояла из девяти разделов: 1. Памятники иероглифической письменности, представлявшие образцы этого письма на протяжении трех тысячелетий. 2. Памятники клинописного письма Месопотамии, охватывающие три тысячелетия (именно эта часть коллекции наиболее пострадала в начале 1920-х гг.). 3. Памятники хеттского и эламского письма, а также памятники древнего Китая. 4. Стелы с надписями на коптском языке. 5. Каменные кресты (египетский, коптский, армянский и, для сравнения, вотивный новгородский крест). 6. Памятники греческого письма на камне и глине (надписи на мраморе, штемпели на ручках амфор, острака коптские и греческие). 7. Латинское письмо (надгробия, штемпели кирпичей, фрагмент трубы водопровода с надписью, штемпели аретинской посуды). 8. Памятники арабского письма (надгробия с образцами письма куфи и насхи, которые были размещены в вестибюле дома). 9. Образцы надписей на фрагментах фаянса средневековой Италии. Важным

Документ о присоединении Палеографического кабинета к Археологическому институту, с подписью народного комиссара просвещения А. В. Луначарского. 29 апреля 1918 г. СПФ АРАН

звеном экспозиции была так называемая «Показательная выставка». Она открывалась образцами документов на папирусе из Египта, в их числе памятники египетские, коптские, греческие и на арабском языке. На пергамене были представлены образцы восточной письменности (древнееврейской, армянской, эфиопской, сирийской, самаритянской). Письмо греческим алфавитом иллюстрировалось образцами пергаменных и бумажных рукописей X–XVIII вв. В экспозиции также находились образцы латинских рукописей на пергамене VIII–XV вв. Отдельно экспонировались образцы латинских манускриптов с миниатюрами и орнаментами IX–XIV вв. (итальянские и французские). Несколько витрин отводилось документам, по которым можно было наглядно представить развитие их формуляров и оформления в Средние века и Новое время. Среди них

Охранное удостоверение от 26 мая 1921 г. СПФ АРАН

были образцы хартий, папских булл, копии хартий королей Германии и Франции, документы с гербами, образцы дипломов и патентов, восточные документы на бумаге – бераты и фирманы. Помимо витринной экспозиции, значительная часть коллекции хранилась в папках и картонах и размещалась в шкафах, которые стояли во всех комнатах здания на двух этажах. Н. П. Лихачев отмечал в этой части Акты средневековой Италии, Акты средневековой Франции, образцы документов других государств Западной Европы. Также были представлены документы на бумаге, важные для истории делопроизводства и становления канцелярского дела Западной Европы. Отдельно хранились образцы европейской бумаги XIII–XV вв. Бумага восточного происхождения иллюстрировалась документами из Индии на голландском языке. В истории письменности Н. П. Лихачев особо выделял этап изобретения и распространения печатных материалов, поэтому в его музее был специальный раздел, оза-

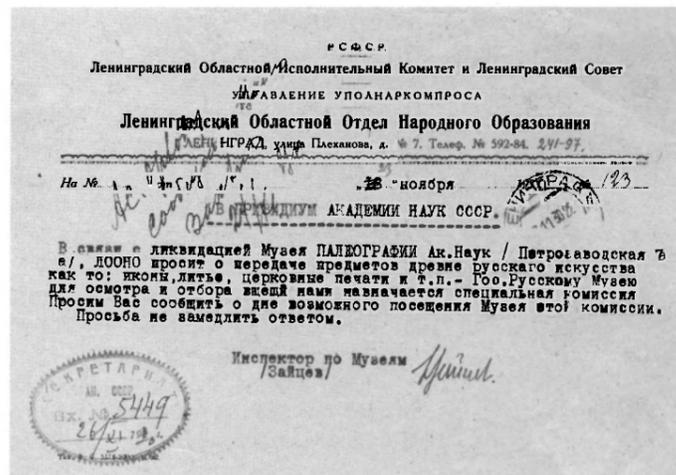
главленный «Напечатанный материал». В него входили печатные акты и летучие издания: документы папской канцелярии XV–XIX вв., печатные документы западноевропейских стран, летучая литература периода Реформации, правительственные распоряжения эпохи Лиги во Франции, «мазаринады» времени французской революции. Дополняла всю экспозицию богатейшая научно-справочная библиотека, представленная по темам и сериям изданий. Следует отметить, что в архивных документах по истории приобретения вещей Н. П. Лихачевым есть отдельные скупые свидетельства о количестве шкафов с письменными и книжными сокровищами [СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Ед. хр. 136. Л. 86–86 об.]. Так, упоминаются трехзначные (!) номера шкафов – № 322 и 369.

Несмотря на трудности послереволюционного времени, музей активно работал, хотя, судя по отчету Н. П. Лихачева от 1928 г., все еще на-

ходил в стадии систематического разбора материала. Но исследователи и студенты получали регулярный доступ как к коллекциям, так и к богатому книжному собранию справочников и специальной научной литературы на разных языках. Известно, что в музее в это время работали В. В. Струве, Н. Д. Флиттнер, П. В. Эрнштедт, О. О. Крюгер, И. А. Орбели, О. А. Добрян-Рожественская, А. Е. Ферсман, И. Э. Грабарь, Г. Ф. Церетели, Б. Л. Модзалевский, А. И. Малеин, Б. Я. Владимирцов, А. Н. Толстой и др. Там постоянно проводились экскурсии и научные лекции. Можно вспомнить имена О. И. Подобедовой, Е. Ч. Скржинской, И. М. Дьяконова, Ю. Я. Перепелкина, Н. В. Пигулевской, А. П. Рифтина. Их первые шаги в науке были сделаны в этом музее.

Необходимо отметить, что Н. П. Лихачев придавал большое значение тому, чтобы молодые специалисты (студенты, слушатели библиотечных курсов и т. д.) посещали Музей палеографии и непосредственно на месте знакомились с памятниками письменности. Об этом свидетельствуют записи в книгах регистрации посетителей музея. Например, 6 июля 1926 г. в книге можно увидеть автографы Б. Б. Пиотровского и А. Я. Борисова, будущих известных ученых. Музей посещали все отечественные искусствоведы, музейные сотрудники, палеографы. В книгах регистрации зафиксированы имена будущего академика Л. В. Черепнина, А. А. Бахрушина, М. А. Шангина, В. Н. Перетца, известного собирателя книжности Н. В. Базыкина, М. Н. Сперанского, А. А. Гераклитова, собирателя украинских древностей И. С. Свенцицкого, хранителя Государственного Эрмитажа А. Н. Кубэ, академика А. И. Соболевского и многих других. Сохранилась замечательная запись Д. В. Айналова (от 30 октября 1927 г.): «Видел чудеса коллекций и разговор был» [СПФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 67]. Как правило, пояснения к материалам экспозиции давал сам Н. П. Лихачев.

Из годовых отчетов Музея палеографии, сохранившихся в СПФ АРАН, видно, что за короткий период функционирования музея на основе его коллекций были подготовлены и изданы труды Г. Ф. Церетели, П. В. Эрнштедта [Jernstedt 1927], В. В. Струве, опубликовавшего египетские печати музея [Struve 1926], В. К. Шилейко [Schileiko 1927], В. Н. Бенешевича [Beneshovich 1927], А. И. Малеина [Малеин 1926; Малеин 1927], М. А. Шангина [Шангин 1927], В. Ф. Шипмарева [Шипмарев 1927]. В эти годы Н. П. Лихачев продолжает приобретать через антиквариат, книжные магазины и фирму «Книга» в Берлине редкие издания. Так-

Копия письма Ленинградского областного отдела народного образования от 23 ноября 1930 г. СПФ АРАН

же по просьбе директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д. Рязанова он передал имеющиеся в музее 495 дублетных экземпляров «мазаринад» [СПФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 145, 148].

После ареста Н. П. Лихачева 28 января 1930 г. музей в начале 1930 г. был закрыт и фактически упразднен [Брачев 1989; Ирошников, Шелаяев 1991; Анциферов 1992. С. 373. Академическое дело 1993. С. V]. Но затем комиссия из видных представителей науки во главе с академиком-секретарем Академии наук С. Ф. Ольденбургем разработала положение о новом научном учреждении с иными, чем у Н. П. Лихачева, установками и задачами [Вестник АН СССР 1931а]. После реорганизации Музея палеографии в сентябре 1930 г. в Музей книги, документа и письма (МКДП) он был переведен из дома Н. П. Лихачева в помещение БАН [Вестник АН СССР 1931б; Вестник АН СССР 1932].

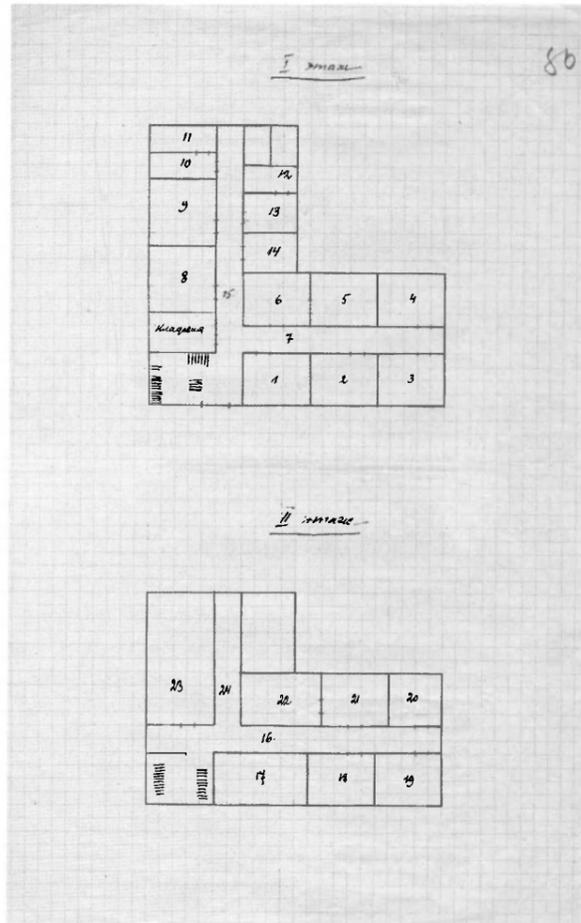
Обратимся к скупым архивным свидетельствам. До нас дошла докладная записка А. С. Емельянова, ставшего после реорганизации единственным сотрудником Музея палеографии, — «Краткая записка о составе музейных собраний и библиотеки Музея палеографии Академии наук СССР», — в которой он писал: «В Музее представлены историко-археологические материалы; собрания его объединены общим началом — историей письмен, историей документа в особенности и историей книгопечатания и переплета. Подлинники Музея представлены на протяжении пяти тысячелетий» [СПФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 31]. И хотя после ареста Н. П. Лихачева все ученые, обращавшиеся к материалам

музея, отмечали, что он не имел подробных описей и инвентарей, а в опубликованном кратком описании Музея палеографии воспроизведены фотографии интерьеров и экспозиций только двух залов, которые располагались на первом этаже дома, направо по центральному коридору, благодаря записке А. С. Емельянова мы имеем схематичную топографию первого и второго этажей музея с номерами комнат и выделенными разделами экспозиции и хранения. В каждом разделе был строго определенный порядок расположения экспонатов.

Рассматривая основные системы письма, А. С. Емельянов выделил пять отделов: 1. Памятники иероглифические (египетские, хеттские, протоэламские, каппадокийские, древнейшие письмена на кости). 2. Клинопись на протяжении трех тысячелетий. 3. Памятники греческого письма; эволюция письма греческого алфавита X–XVII вв. 4. Памятники латинского письма; эволюция письма латинского алфавита на протяжении VIII–XV вв. 5. Памятники восточного письма (арабского, куфического, еврейского, самаританского, сирийского, персидского). Материалы письма представлены самые разнообразные: металл, кость, камень, дерево, глина, папирус, пергамен, ткань, бумага. Обратил внимание А. С. Емельянов и на обширный комплекс печатных документов, в который вошли: 1. Распоряжения римских пап XV–XIX вв. (он подчеркнул, «что в особенности представлена вторая половина XVI в.»). 2. Документы итальянских государств XVI–XVIII вв. 3. Документы других государств. 4. Летучая литература реформации и возрождения католичества. 5. Документы эпохи дворянской лиги во Франции. 6. Мазаринады. 7. Летучие издания Великой Французской революции.

Обратим внимание на пояснения к двадцати четырём помещениям дома Н. П. Лихачева, в которых располагались памятники:

I этаж. Комната 1. Памятники письма (папирус, пергамен, кость, камень). 2. История России (издания источников – Археографическая комиссия, популярная литература, российская геральдика и др.). В одном из шкафов – часть нумизматического собрания. 3. В двух шкафах – памятники клинописи. На столе – латинское письмо на камне. Настенная витрина с черепками. В одном шкафу периодика по египтологии. Литература по вспомогательным историческим дисциплинам. Энциклопедические словари. Один шкаф – нумизматическое собрание. 4. Памятники письма – иероглифы, клинопись. Спе-

Чертеж из записки А. С. Емельянова. СПФ АРАН

циальная литература. 5. Западноевропейские автографы с XVI в. Документы с вислыми печатями. 6. Западноевропейский документ XV, XVI вв. (в некоторых шкафах русский документ позднейшего происхождения). 7 (коридор). Западноевропейский печатный материал XV, XVI вв. Периодика. Разнообразная литература. 8. Русская периодика XVIII и первой половины XIX в. 9. Казанские издания. Материалы по иконографии. Библиография. Русская периодика. Энциклопедии. 10. Русская периодика. (О комнатах № 11–13 в записке А. С. Емельянова сведения отсутствуют.) 14. Периодика. Энциклопедии. 15. Западноевропейский печатный материал (два нижних шкафа – мазаринады, буллы). Русский документ. Литература разная начала XX в.

II этаж. Комната 16 (коридор). Выставка переплета, русского письма, западноевропейского письма. Специальная литература. Периодика. Автографы русские и другие. Один шкаф – казанские

издания. 17. Выставка переплета, книгопечатания. Один шкаф – арабское письмо. Памятники русского письма на тканях (антиминсы). (О комнатах № 18–20 в записке А. С. Емельянова сведения отсутствуют.) 21. Разборная комната (книги для работы Н. П. Лихачева). 22. То же. В одном из шкафов (ключ 43) – рукописи Соляной конторы. 23. Издания XVIII в. Русский документ. Французский документ конца XVIII в. 24 (коридор). Русский документ. Архивы монастырей. Разная литература.

В тексте этой краткой записки, которую сам А. С. Емельянов назвал «Замечания самого общего порядка о составе музейных собраний и библиотеки МКДП», также следует обратить внимание на указание фамилий ученых, которые работали с материалами и тогда уже многое сделали в музейном плане и в научном. А. С. Емельянов упоминает П. В. Ернштедта, В. А. Иванова, Е. М. Придика, В. В. Струве, Ю. Я. Перепелкина, В. К. Шилейко, А. П. Рифтина, О. А. Добиаш-Рождественскую, А. И. Хоментовскую, М. А. Гукковского, В. А. Крачковскую, Н. С. Платонову. В этом перечне следует выделить комнату 16, где находились шкафы с редкими казанскими изданиями, комнату 17, где располагалась выставка переплета, книгопечатания, были подобраны памятники русского письма на тканях (антиминсы) и др. Как писал А. С. Емельянов, «стержневая установка музея – история документа – в значительной мере определила и состав собраний. Особое значение придано западноевропейской дипломатике; наибольшее место в собраниях этого рода занимают документы папской канцелярии. Как при подборе, так и в экспозиции материалов специальное внимание уделено истории аутентификации документа во всех видах. Точно так же и систематичное расположение материалов произведено именно по этому признаку» [СПФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 31 об.].

А. С. Емельянов особо выделял коллекции русского отдела и нумизматического материала, поскольку, по его мнению, «имеющиеся в музее русские документы, как по широте охвата, так и по богатству и разнообразию материалов, могут представить исключительные возможности для отображения русской дипломатии. Документы расположены по старой системе, свидетельствующей о том, что русский отдел, вопреки установившемуся мнению, занимал соответствующее ему место в планах научно-музейной работы» [СПФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 31 об. – 32]. Ссылаясь на объяснительную записку само-

го Н. П. Лихачева от октября 1929 г., А. С. Емельянов пишет, что при развертывании музейной экспозиции, в которую были включены и книжные собрания, стояла задача продемонстрировать «постепенное развитие техники книгопечатного дела, историю книгопечатания и историю книжного переплета и переплета документов. Надо согласиться, что действительно Музей палеографии является родственным Лейпцигскому музею, в чем можно убедиться по юбилейному изданию „Das Deutsche Buchmuseum zu Leipzig. 1885–1925“ (Leipzig, 1925)» [СПФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 31 об. – 32].

Необходимо сказать еще несколько слов о А. С. Емельянове. Топографическое описание МУПа было сделано им вскоре после ареста Н. П. Лихачева и других историков, проходивших по так называемому «Академическому делу». Это чрезвычайно важное и ценное свидетельство, поскольку судьба музея, находящегося в ведении Академии наук, должна была быть решена, а в особняке хранились не только экспонаты музейных письменных и книжных коллекций и собраний, но и многие семейные реликвии. Восстановить хронику и драматизм событий ареста, решений академической администрации, спешного переезда в здание Библиотеки Академии наук по имеющимся архивным материалам – дело будущих исследователей и ученых. Их несомненно должен поразить энциклопедизм и масштаб личности Н. П. Лихачева, собравшего необозримые для людей одного поколения коллекции, о которых лишь в небольшой мере свидетельствует настоящая выставка. В СПФ АРАН сохранились и воспоминания на 14 листах А. С. Емельянова – «Краткая записка о МУПе и академике Н. П. Лихачеве» [Ф. 246. Оп. 2. Ед. хр. 145]. Документ датирован 6 февраля 1991 г., то есть написан через шестьдесят с лишним лет (!) после ареста Н. П. Лихачева. Из этих воспоминаний мы узнаем, что А. С. Емельянов окончил «Московский Институт востоковедения имени Нариманова и историко-филологический факультет Ленинградского университета» (так в рукописи. – Е. М., Е. П.). Выдвинул А. С. Емельянова С. Г. Томсинский, занявший после ареста академика С. Ф. Платонова его пост в Археографической комиссии, которая тогда называлась Постоянной историко-археографической комиссией. Из этого документа мы также узнаем о решении академика С. Ф. Ольденбурга, назначенного тогда директором музея, «опечатать все места хранения коллекций, исключая книжные шкафы». А. С. Емельянов добавляет, что опломбированием были заняты аспиранты

академических институтов. Есть упоминания и о деятельности и роли следующего директора МКДП – А. С. Орлова (будущего академика), изучавшего славяно-русское письменное наследие и связанного многие годы с работой в Пушкинском Доме. (Как ни странно, в этих воспоминаниях А. С. Емельянов указывает, что он не знал точно, был ли Н. П. Лихачев после ареста исключен из состава академиков.) Переезд музея из особняка на Петрозаводской улице в БАН А. С. Емельянов связывает с деятельностью В. П. Волгина, который стал неперменным секретарем. Подробности переезда в воспоминаниях опущены, но есть важные свидетельства о том, что коллекции и книжные собрания были перевезены, а объемные каменные стелы с восточными надписями переместились в Эрмитаж. Горькие свидетельства оставил А. С. Емельянов и о трудном возвращении Н. П. Лихачева из ссылки и его последней дороге на Смоленское кладбище.

Н. П. Лихачев рассматривал документальную экспозицию своего музея и библиотечных собраний на самых разнообразных языках как единый организм. Исследователь мог видеть и осознать все этапы развития письменности и текста от первоисточника до его публикации в разные эпохи и дальнейшей интерпретации учеными. В этой связи А. С. Емельянов подчеркивал, что все это было возможно потому, что библиотека являлась наследием библиотек многих поколений рода Лихачевых. А. С. Емельянов отмечал, что при подборе литературы история средневековой Европы стояла на первом месте. Архивные материалы свидетельствуют, что до последних дней существования музея приобретались редчайшие издания по палеографии, инкунабулы, раритетные издания средневековых и новых авторов. В целом подбор книг библиотеки Н. П. Лихачева был настолько уникален, что не уступал собранию книг Археографической комиссии. Например, через антикварные книжные магазины в 1926–1927 гг. были приобретены миниатюрное издание басен И. А. Крылова, *Biblia Sacra* в переплете с медными украшениями, альбом с описаниями русских знамен, находящихся в Швеции, «Чертежи Георгиевской залы в Зимнем дворце» (4 листа 1795 г.) и многое другое [СПФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 10]. Об уникальном характере библиотеки Н. П. Лихачева подробно сказано в «Путеводителе по Архиву Ленинградского отделения Института истории» [Путеводитель по Архиву 1958. С. 507–515].

Новое научное учреждение, созданное на основе Музея палеографии, первоначально получило

название Музей книги, документа и письма, а затем при последующей реорганизации стало именоваться Институтом книги, документа и письма (ИКДП, 1931 г.). В 1935 г. ИКДП был преобразован в Сектор вспомогательных дисциплин Института истории АН СССР, а в дальнейшем он вошел в состав Ленинградского отделения Института истории АН СССР (в настоящее время Санкт-Петербургский институт истории РАН) [Выставки письменности 1935; Вестник АН СССР 1936; Свойский 1975]. Чехарда реорганизаций отрицательно сказалась как на первоначальной концепции музея Н. П. Лихачева, так и на судьбе хранившихся в нем уникальных материалов.

На основе опубликованных во второй половине XX в. научных трудов, архивных документов, каталогов и описаний можно составить общее и приблизительное представление о том, где в настоящее время хранятся материалы коллекций Н. П. Лихачева. Это Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский институт восточных рукописей (ИВР РАН; Азиатский музей), библиотека РАН, Государственный Эрмитаж, Государственный Русский музей, Государственный Исторический музей, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи и, возможно, некоторые другие музеи и библиотеки. Письменные памятники и документы, насколько нам известно, оказались в первых четырех вышеназванных государственных учреждениях. Самые большие по объему и редкие по значимости материалы находятся в Санкт-Петербургском институте истории, Государственном Эрмитаже и Институте восточных рукописей (Азиатском музее). О некоторых рукописных материалах из коллекций музея Н. П. Лихачева, в настоящее время хранящихся в СПбИИ РАН и ИВР РАН, можно прочитать в книге «Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга» [Кычанов 2003. С. 331–372; Гинев, Климанов, Победимова 2003. С. 411–446]. В собрании СПбИИ РАН сосредоточено около 34 тысяч единиц хранения, которые охватывают период с VII по XX в., относятся более чем к двадцати странам мира и написаны на двадцати с лишним языках: русском, латинском, итальянском, французском, испанском, греческом, провансальском, португальском, голландском, датском, норвежском, шведском, польском, таитянском, чешском, венгерском, английском, сербском, хорватском, македонском и других. Коллекция делится на две части – западноевропейскую и русскую. В обеих частях представлены материалы, распределенные по следующей классификации: рукописные кодексы, летописи,

акты, автографы и так называемые летучие издания. Такой принцип сложился в Архиве Института истории в результате реформ и реорганизаций учреждений в системе Академии наук и государственных архивных ведомств. Он не соответствует тем принципам классификации материалов, которые хотел осуществить сам Н. П. Лихачев. Материалы обеих секций описаны с разной степенью полноты и далеко не полностью введены в научный оборот, по-прежнему оставаясь для исследователей «запечатанным кладом», как сказал еще в 1931 г. академик С. Ф. Ольденбург. Такая ситуация не способствует развитию историко-филологического знания и не дает возможности осуществить замыслы Н. П. Лихачева как коллекционера-ученого. Хотя на основе исследования коллекций из Института истории во второй половине XX в. был опубликован ряд фундаментальных работ: «Акты Кремоны» [Акты Кремоны 1961], «Акты Падуи» [Акты Падуи 1987], сборник документов из Архива ЛОИИ АН СССР [Рукописные источники по истории Западной Европы 1982], книга А. Н. Аксенова «Очерк истории генеалогии в России» [Аксенов 1971], книги М. Е. Бычковой, посвященные древнерусским родословным книгам [Бычкова 1975; Бычкова 1986], книга С. М. Каштанова «Русская дипломатика» [Каштанов 1988], описание коллекций европейских изданий XV–XVIII вв. и книжных знаков, выполненное Е. З. Панченко и А. А. Цехановичем, ряд статей, опубликованных во «Вспомогательных исторических дисциплинах» [ВИД. 1991. Т. 23; 1996. Т. 26; 2005. Т. 29]. Сотрудниками института Л. Г. Климановым и И. П. Медведевым был написан ряд статей, посвященных личности Н. П. Лихачева и отдельным документам из его коллекций. Подробная библиография работ отечественных ученых, посвященных собирательской деятельности Н. П. Лихачева и его коллекциям, была подготовлена Г. В. Вилинбаховым и Л. Г. Климановым для переиздания работы Л. Н. Простоволосовой «Н. П. Лихачев: судьба и книги» [Вилинбахов, Климанов 2002. С. 52–56]. Одна из последних работ в этой историографической традиции – издание венгерских документов [Документы по истории Венгрии 2008].

Часть материалов коллекции Н. П. Лихачева поступила в Отдел рукописей и документов Института востоковедения (ныне Институт восточных рукописей – Азиатский музей) [Архив ИВР. Ф. 152. Оп. 1а; Мещерская 2002. С. 47–48]. Согласно описи 1938 г., она включала 37 коробок, в которых находились печатные книги, литографии, листы ксилографов, рукописные книги и их фрагменты, документы, листы с оттисками печат-

тей. Здесь были представлены тексты на разных восточных (арабском, сирийском, коптском, армянском, грузинском, древнееврейском, самаритянском, эфиопском, персидском, монгольском, тибетском, китайском, японском) и европейских (английском, французском, итальянском, немецком, голландском, русском) языках. По содержанию поступившее собрание в разделе «Рукописная книга» состояло из сочинений религиозного характера, произведений светской литературы, научных и учебных текстов, в разделе «Дипломатика» – из писем официального и частного характера от древности до нового времени, грамот на различных языках. Все эти тексты написаны на разнообразных материалах – папирусе, пергамене, коже газели, шелке, полотне, бронзовых табличках, бересте, пальмовых листьях – и дают представление о типах письма от глубокой древности до современности. Некоторые из этих материалов стали вводиться в научный оборот еще до поступления коллекции в Институт востоковедения (ИВ АН СССР) в работах И. Ю. Крачковского [Крачковский 1933], Л. Т. Гюзальяна и М. М. Дьяконова [Гюзальян, Дьяконов 1934]. Еще в ИКДП была разработана программа, согласно которой отдельные коллекции, прежде всего рукописные книги, должны были получить печатные описания. Однако из всего запланированного успешно завершился и был опубликован только один проект – каталог арабских рукописных книг, составленный В. И. Беляевым [Беляев 1936]. После поступления письменных материалов и документов из коллекции Н. П. Лихачева в Отдел рукописей и документов ИВ АН СССР все материалы были разбиты по разделам, сформированным по языковому принципу, и на них частично были составлены инвентарные описи. Рукописные книги при этом были выделены из коллекции Н. П. Лихачева и присоединены к коллекциям соответствующих восточных фондов. Некоторые из них получили описание в печатных каталогах, выпущенных в ИВ АН СССР в 1960–1980-е гг. К сожалению, эти каталоги, за исключением каталога сирийских рукописей, подготовленного Н. В. Пигулевской [Пигулевская 1960], не содержат указаний на происхождение манускриптов из собрания Н. П. Лихачева. Дипломатический раздел поступивших в институт материалов не имеет пока печатных описаний, хотя в архиве института, например, хранится подготовленный к изданию В. И. Беляевым каталог арабских папирусов лихачевской коллекции [Архив ИВР. Ф. 141. Оп. 1–3].

Материалы коллекций Н. П. Лихачева, поступившие в собрание Эрмитажа в 1938 г., вошли в состав

фондов разных отделов и были распределены по следующим рубрикам: памятники письменности древних цивилизаций (ок. 3000 ед.); памятники античности (эпиграфика – ок. 600 ед.); памятники византийской и поствизантийской эпиграфики (ок. 100 ед.); византийские и древнерусские печати (более 6000 ед.); нумизматические коллекции разных эпох (ок. 15 000 ед.). В настоящее время они по-прежнему хранятся в различных отделах Эрмитажа, во многом дополняя коллекции или восполняя их лакуны, о чем свидетельствуют архивные материалы – «Акт № 608 от 18 августа 1938 на поступление в Государственный Эрмитаж музейных предметов» (Архив ГЭ) и «Опись коллекций музея Инст[итута] Истории Ак. Наук СССР (б. ИКДП), переданных в Гос. Эрмитаж к акту от 18-VIII 1938 г.» [СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 1568]. В Выписке из протокола Заседания Президиума АН СССР от 19 августа 1938 г. «О музее книги, документа и письма» подчеркнута целесообразность передачи материалов и предметов музея «в здание Государственного Эрмитажа в качестве самостоятельной коллекции» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2308).

Интересны воспоминания и размышления И. М. Дьяконова о собирательской деятельности Н. П. Лихачева и судьбе его коллекции после многих реорганизаций: «Он рано поставил себе целью создать Музей истории письменности, начиная с первых ее шагов до появления книгопечатания. До войны он часто наезжал в центры антикварной торговли в Париж, Стамбул, Каир и действительно собрал совершенно уникальный музей, которому не было и нет подобных в мире... В конце 1970-х или начале 1980-х гг. в большом зале Ленинградского отделения Института истории (бывшем доме Лихачева на Петрозаводской улице) состоялось научное заседание „памяти академика Николая Петровича Лихачева“. Зал был битком набит, один за другим выступало чуть ли не полтора десятка ораторов. Тут оказалось, что Николай Петрович внес незабываемый вклад в русскую науку... Институт книги, документа и письма был влит в Институт истории, а музей был ликвидирован в 1940 г. [так!]... Значительную часть коллекции, но не всю, отдали Эрмитажу, якобы под условием создать там постоянную выставку истории письма» [Дьяконов 1995. С. 353–358]. Еще раньше, на заседании Ученого совета, посвященного 120-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева, 30 ноября 1982 г., о котором И. М. Дьяконов пишет в своей книге, он выступил с докладом «Н. П. Лихачев и коллекции древневосточной письменности». И в этом докладе он вспоминал

о трагедии музея, связанной с чехардой государственных музейных слияний и упразднений до-революционных собраний, методикой инвентаризации и передачей экспонатов: «Надо сказать, что книги [и] коллекции, хотя и упаковали в пожарном порядке, но то, что передали Эрмитажу, передали чрезвычайно тщательно, без всяких потерь. Они были переданы Эрмитажу для выставки, но выставка так и не создана. Кроме того, сами коллекции рассыпались. Это, конечно, не восстановить, но хотя бы в том объеме, что можно сделать, сделать необходимо; это будет еще одна дань Николаю Петровичу» (Стенографический отчет заседания Ученого совета, посвященного 120-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева 30 ноября 1982 г. Машинопись. С. 32 (СПБНИИ РАН)).

Коллекция Н. П. Лихачева в составе эрмитажного собрания изучена гораздо больше, и прежде всего это связано с многогранной научной и выставочной деятельностью учреждения; предметы из коллекции неоднократно экспонировались на различных выставках как в пределах нашей страны, так и за рубежом, продолжая традиции Музея палеографии и ИКДП, которые организовывали такие выставки [Перепелкин 1936]. Материалы из коллекции Н. П. Лихачева были использованы в публикациях П. В. Ернштедта [Ернштедт 1959], В. С. Шандровской [Лихачев 1991; Sandrovskaja, Seibt 2005], А. Я. Каковкина [Каковкин 2004; Каковкин 2005], А. О. Большакова [Bolshakov 2005]. Во всех этих работах собрана обширная библиография исследований, посвященных изучению предметов из коллекций Н. П. Лихачева, публикуется его наследие (наиболее полно библиография и характеристика памятников отражены во введениях к соответствующим разделам настоящего каталога). Во многих печатных каталогах коллекций Государственного Эрмитажа, выполненных как для выставок, так и для изучения различных памятников истории культуры и письменности, выделены предметы из собрания Н. П. Лихачева, которые, как и сфрагистические материалы, поступили в Эрмитаж в 1938 г. при передаче материалов из Ленинградского отделения Института истории СССР [Искусство Византии 1977; Из коллекций Н. П. Лихачева 1993; Христиане на Востоке; Залеская 2006; Соколова 2007]. Последние передачи в Эрмитаж сфрагистических материалов из коллекций Н. П. Лихачева состоялись в конце 1960-х гг. Это были 327 вислых русских печатей и 2887 пломб [Пиотровский 2000. С. 533]. Многие памятники культуры из МУПа, хранящиеся теперь в Эрмитаже, исследованы в статьях, опубликованных

Здание Института истории
РАН в Санкт-Петербурге
(Петрозаводская, 7)

в выпусках «Вспомогательных исторических дисциплин» в конце XX – начале XXI в., где наряду с сотрудниками Эрмитажа немало работ коллег из других научных учреждений и музеев Санкт-Петербурга, Москвы, Новгорода. Отметим исследование Б. Б. Ершевского, посвященное проблемам дрогических пломб, коллекция которых также оказалась в Эрмитаже [Ершевский 1987]. Именно этими материалами Н. П. Лихачев очень интересовался в последние годы существования Музея палеографии.

В БАН хранится большое книжное и рукописное наследие Н. П. Лихачева, в том числе многочисленные инкунабулы и эльзевиры. Изучению инкунабул были посвящены работы В. С. Люблинского. Описание этих книг вошло в каталог инкунабул БАН и исследования Л. И. Киселевой. В БАН оказались частично и рукописи из коллекции Н. П. Лихачева, которые были присоединены к Основному фонду рукописных книг без указания имени владельца [Боброва 1963; Леонов, Савельева 2003. С. 51–98].

Наш краткий обзор показывает, что все названные публикации не могут дать целостной картины, воссоздающей как содержание коллекций Н. П. Лихачева, так и основные принципы ее формирования. В результате непрерывных реорганизаций и нововведений в области науки и культуры в годы советской власти в его коллекциях образовались лакуны и невозполнимые утраты. Например, известно, что в 1930-е гг. академик И. Ю. Крачковский намеревался

подготовить к изданию переписку из семейного архива итальянского путешественника, востоковеда и дипломата XVII в. Пьетро делла Валле, однако издание было осуществлено только в наше время [Шарафутдинова 2009]. Существует также комплекс актового материала XVI–XIX вв. из коллекции Н. П. Лихачева, многие листы которого опалены, что явилось следствием перемещения собрания из дома академика и пожара в помещениях БАН. История этих документов подробно описана в статье Е. К. Пиотровской, посвященной хранителям Архива СПбИИ РАН и находящейся в печати.

Материалы настоящей выставки являются прообразом грандиозного замысла Музея палеографии, задуманного академиком Н. П. Лихачевым, который, к сожалению, не успел воплотить свои идеи в жизнь, оставив будущим ученым несметные богатства для познания культуры земной цивилизации. Настоящая экспозиция только в небольшой степени демонстрирует редкие, интересные памятники, важные для истории возникновения и развития письменностей в разные эпохи. Последующие поколения должны продолжить архивные изыскания по истории МУП, ИКДП, МКДП. Необозримое поле деятельности для вдумчивой и кропотливой работы с сохранившимися личными фондами ученых – коллег и современников Н. П. Лихачева, их эпистолярным наследием, скупыми отчетами научных учреждений, перекрестная проверка фактов и сведений могут восполнить недостающие звенья и пробелы нашего краткого обзора.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Академическое дело 1993
Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1.
- Аксенов 1971
Аксенов А. Н. Очерк истории генеалогии в России. М., 1971.
- Акты Кремоны 1961
Акты Кремоны XIII–XVI веков в собрании Академии наук СССР / под ред. В. И. Рутенбурга, Е. Ч. Скржинской. М.; Л., 1961.
- Акты Падуи 1987
Акты Падуи конца XIII–XIV в. в собрании Академии наук СССР / подгот. текстов Е. Ч. Скржинской и др.; под ред. В. И. Рутенбурга. Л., 1987.
- Алексеев 2003
Алексеев А. А. О. П. Лихачева : некролог // ТОДРА. СПб., 2003. Т. 53. С. 669–672.
- Анцифилов 1992
Анцифилов Н. П. Из Дум о Былом. М., 1992. С. 373, 484.
- Беляев 1936
Беляев В. И. Арабская рукописная книга в собрании Института книги, документа, письма Академии наук СССР. М.; Л., 1936.
- Бенешевич 1927
Бенешевич В. Н. Новые данные для исторической географии Ближнего Востока (из греко-сирийского списка отцов Никейского I Вселенского собора) // Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. 1927. Т. 2.
- Боброва 1963
Боброва Е. И. Каталог инкунабулов. М.; Л., 1963.
- Брачев 1989
Брачев В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5.
- Бычкова 1975
Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975.
- Бычкова 1986
Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. : историко-генеалогическое исследование / отв. ред. С. М. Каштанов. М., 1986.
- Вербина 2006
Вербина О. Г. Западноевропейская гравюра в коллекции А. Ф. Лихачева : из фондов Гос. музея изобразительных искусств РТ // Материалы Лихачевских чтений 5–7 апреля 2006 г. Казань, 2006. С. 65–73.
- Вестник АН СССР 1931а
Вестник АН СССР. М., 1931. № 3. Стб. 43.
- Вестник АН СССР 1931б
Вестник АН СССР. М., 1931. № 8. Стб. 32.
- Вестник АН СССР 1932
Вестник АН СССР. М., 1932. № 4. Стб. 39.
- Вестник АН СССР 1936
Вестник АН СССР. М., 1936. № 1. Стб. 97–98.
- ВИД
Вспомогательные исторические дисциплины.
- Вилинбахов, Климанов 2002
Вилинбахов Г. В., Климанов Л. Г. Библиография работ Н. П. Лихачева // Простоволосова Л. Н. Н. П. Лихачев : судьба и книги. СПб., 2002. С. 52–56.
- Выставки письменности 1935
Выставки письменности : I Древнего мира. II Феодалной Руси. М.; Л., 1935.
- Гинев, Климанов, Победимова 2003
Гинев В. Н., Климанов Л. Г., Победимова Г. А. Российская и зарубежная история в документах Архива Санкт-Петербургского института истории РАН // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 411–446.
- Гюзальян, Дьяконов 1934
Гюзальян Л. Т., Дьяконов М. М. Рукописи Шах-Намэ в ленинградских собраниях. Л., 1934. С. VI, 6–8.
- ДАН
Доклады Академии наук.
- Документы по истории Венгрии 2008
Документы по истории Венгрии в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук / отв. ред. В. Н. Плешков, Е. М. Варга ; сост. С. Н. Искюль, Н. Б. Срединская. СПб., 2008.
- Дьяконов 1995
Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб., 1995.
- Эрнштедт 1959
Эрнштедт П. В. Коптские тексты Государственного Эрмитажа. М.; Л., 1959.
- Ершевский 1987
Ершевский Б. Б. Дрогические пломбы : классификация, типология, хронология (по материалам собрания Н. П. Лихачева) // ВИД. Т. 17. Л., 1987. С. 36–57.
- Завещано Казани 2009
Завещано Казани : произведения изобразительного искусства из собрания А. Ф. Лихачева : кат. выст. СПб., 2009.
- Залеская 2006
Залеская В. Н. Памятники византийского прикладного искусства. IV–VII вв. СПб., 2006.
- ИАН
Известия Академии наук.
- Из коллекций Н. П. Лихачева 1993
Из коллекций академика Н. П. Лихачева : каталог выставки. СПб., 1993.
- Измайлова 2006
Измайлова С. Ю. Научное наследие А. Ф. Лихачева // Материалы Лихачевских чтений 5–7 апреля 2006 г. Казань, 2006. С. 20–38.

- Ирошников, Шелаев 1991**
Ирошников М. П., Шелаев Ю. Б. Без ретуши : Страницы советской истории в фотографиях, документах, воспоминаниях / авт.-сост. М. П. Ирошников, Ю. Б. Шелаев ; отв. ред. М. П. Ирошников. Л., 1991. С. 204–209.
- Искусство Византии 1977**
Искусство Византии в собраниях СССР : каталог выставки. М., 1977. Т. 1–3.
- Каковкин 2004**
Каковкин А. Я. Сокровища коптских коллекций Государственного Эрмитажа : каталог. СПб., 2004.
- Каковкин 2005**
Каковкин А. Я. Изучение коптского искусства учеными России. СПб., 2005.
- Каштанов 1988**
Каштанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988.
- Климанов 1991**
Климанов Л. Г. Ученый и коллекционер, «известный всей России, а еще более Европе» // Репрессированная наука. М., 1991. Вып. 1. С. 424–453.
- Климанов 2009**
Климанов Л. Г. Музейные взгляды и практика Н. П. Лихачева // Музеология – музееведение в XXI веке. Проблемы и изучение преподавания : материалы междунар. науч. конф. СПб., 2009. С. 208–305.
- Крачковский 1933**
Крачковский И. Ю. Неизданное письмо Шамиля // Записки Института востоковедения АН. М., 1933. Т. 2. С. 1–7.
- Кычанов 2003**
Кычанов Е. И. Собрание памятников восточной письменности в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 331–372.
- Ледянова 2006**
Ледянова М. В. Покай – уникальный образец традиционной праздничной одежды мордвы – эрзи (из коллекции А. Ф. Лихачева) // Материалы Лихачевских чтений 5–7 апреля 2006 г. Казань, 2006. С. 117–120.
- Леонов, Савельева 2003**
Леонов В. П., Савельева Е. А. Книжные сокровища Библиотеки Российской академии наук // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 51–98.
- Лихачев 1913**
Лихачев Н. П. Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки. СПб., 1913.
- Лихачев 1925**
Лихачев Н. П. Музей палеографии. Л., 1925.
- Лихачев 1927**
Музей палеографии // Научные учреждения Академии наук СССР : краткое обозрение ко дню десятилетия 1917–1927 / под ред. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1927.
- Лихачев 1991**
Лихачев Н. П. Моливдовулы греческого востока / сост. и авт. коммент. В. С. Шандровская ; отв. ред. Б. Б. Пиотровский. М., 1991. (Научное наследие. Т. 19).
- Лихачева 1991**
Лихачева О. П., Захарова Л. [Интервью] // Литератор. 1991. № 34 (88).
- Малеин 1926**
Малеин А. И. Фрагменты рукописей римских поэтов из Музея палеографии // ДАН. 1926. № 2.
- Малеин 1927**
Малеин А. И. Фрагмент латинского глоссария из Музея палеографии // ДАН. 1927. № 7.
- Материалы 2006**
Материалы Лихачевских чтений 5–7 апреля 2006 г. Казань, 2006.
- Мещерская 2002**
Мещерская Е. Н. Рукописные материалы коллекций Н. П. Лихачева в собрании Института востоковедения РАН // Историческое источниковедение и проблемы вспомогательных исторических дисциплин. СПб., 2002. С. 47–48.
- Мещерская, Пиотровская 2005**
Мещерская Е. Н., Пиотровская Е. К. Памяти Ольги Петровны Лихачевой (18.12.1937–06.01.2003) // ВИД. Т. 29. СПб., 2005. С. 505–509.
- Музеи книги 1987**
Музеи книги и книжного дела : указатель музеев мира. М., 1987. С. 28–29.
- Назипова 2002**
Назипова Г. Р. Адмирал Иван Федорович Лихачев и Казанский городской музей // Ежегодник : 2001 / Нац. музей Респ. Татарстан. Казань, 2002. С. 206–212.
- Назипова 2006**
Назипова Г. Р. Андрей Федорович Лихачев – ученый и коллекционер // Материалы Лихачевских чтений 5–7 апреля 2006 г. Казань, 2006. С. 6–20.
- Орешников 2011**
Орешников А. В. Дневник. 1915–1933 : в 2 кн. Кн. 2 : 1925–1933 / отв. ред. П. Г. Гайдуков ; сост. и авт. коммент. П. Г. Гайдуков, Н. Л. Зубова, М. В. Катагощина, Н. Б. Стрижова, А. Г. Юшкова. М., 2011. (Научное наследие. Т. 34).
- Перепелкин 1936**
[Перепелкин Ю. Я.] Институт книги, документа, письма. Описание выставки «Письменность древнего мира и раннего средневековья». М. ; Л., 1936.

- Пигулевская 1960
Пигулевская Н. В. Каталог сирийских рукописей Ленинграда // Палестинский сборник. М. ; Л., 1960. Вып. 6 (69).
- Пиотровский 2000
Пиотровский Б. Б. История Эрмитажа. М., 2000. С. 533.
- Плешков 2005
Плешков В. Н. Из истории Дома Н. П. Лихачева в Санкт-Петербурге (ул. Петрозаводская, д. 7) // ВИД. Т. 29. СПб., 2005. С. 517–521.
- Порфирьева 2006
Порфирьева И. В. Казины и Лихачевы : опыт генеалогического исследования // Материалы Лихачевских чтений 5–7 апреля 2006 г. Казань, 2006. С. 56–58.
- Простоволосова 2002
Простоволосова Л. Н. Н. П. Лихачев : судьба и книги. СПб., 2002.
- Путеводитель по Архиву 1958
 Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории. М. ; Л., 1958.
- Рамазанова 2006
Рамазанова Г. А. Картинная галерея А. Ф. Лихачева // Материалы Лихачевских чтений 5–7 апреля 2006 г. Казань, 2006. С. 38–46.
- Российская музейная энциклопедия 2001
 Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 2.
- Рукописные источники по истории Западной Европы 1982
 Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР : археографический сборник / отв. ред. В. И. Рутенбург, А. Д. Люблинская. Л., 1982.
- Савельева 2004
Савельева Н. В. Список трудов О. П. Лихачевой // ТОДРЛ. Т. 54. СПб., 2004. С. 722–729.
- Свойский 1975
Свойский М. А. Институт книги, документа и письма : По материалам Ленинградского отделения Архива АН СССР // Книга : исслед. и материалы. М., 1975. Сб. 30. С. 185–194.
- Свойский 1977
Свойский М. А. Музей палеографии // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 211–215.
- Соколова 2007
Соколова И. В. Печати византийских императоров : каталог коллекций. СПб., 2007.
- Сотрудники Российской национальной библиотеки 1995
 Сотрудники Российской национальной библиотеки : биографический словарь / отв. ред. Л. А. Шилов. СПб., 1995. Т. 1. С. 319–323.
- ТОДРЛ
 Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
- Труды VII Археологического съезда 1891
 Труды VII Археологического съезда в Ярославле, 1887 г. М., 1891. Т. 2. С. 338.
- Христиане на Востоке
 Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан IV–XX вв. : каталог выставки. СПб., 1998.
- Шангин 1927
Шангин М. А. Фрагмент греческих рукописей из Музея палеографии // ДАН. 1927. № 7.
- Шарафутдинова 2009
Шарафутдинова Р. Ш. И. Ю. Крачковский и христианско-арабские эпистолярные памятники в собрании Пьетро делла Валле из коллекции Н. П. Лихачева // Христианский Восток. Новая серия. М., 2009. Т. 5 (11). С. 401–453.
- Шишмарев 1927
Шишмарев В. Ф. Рукописный отрывок «Комедии» Данте Музея палеографии Академии наук // ИАН. 1927. № 1–2.
- Bolshakov 2005
Bolshakov A. O. Studies on Old Kingdom Reliefs and Sculpture in the Hermitage. Wisbaden, 2005.
- Das Deutsche Buchmuseum 1925
 Das Deutsche Buchmuseum zu Leipzig, 1885–1925. Leipzig, 1925.
- Jernstedt 1927
Jernstedt P. Die Kome-Aphrodito Papyri der Sammlung Lichacov. Tiflis, 1927.
- Sandrovskaja, Seibt 2005
Sandrovskaja V. S., Seibt W. Byzantinische Bleisiegel der Staatlichen Eremitage mit Familiennamen. Teil I : Sammlung Lichacev Namen von A bis I. Wien, 2005.
- Schileiko 1927
Schileiko V. K. Mondlaufprognosen aus der Zeit der ersten babylonischen Dynastie // ДАН. 1927. № 6.
- Struve 1926
Struve V. V. Egyptian Sealings in the collection of the academician N. P. Lichatschew // Ancient Egypt. 1926. P. 116–119.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

АГЭ – Архив Государственного Эрмитажа

АН – Академия наук

АН КНР – Академия наук Китайской Народной Республики

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик

БАН – Библиотека Академии наук (СПб.)

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)

ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств (Москва)

ГРМ – Государственный Русский музей (СПб.)

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея (Москва)

ГЭ – Государственный Эрмитаж (СПб.)

ИВ АН СССР – Институт востоковедения Академии наук Союза Советских Социалистических Республик (СПб.)

ИВ РАН – Институт востоковедения Российской академии наук (Москва)

ИВИ РАН – Институт всеобщей истории Российской академии наук (Москва)

ИВР РАН – Институт восточных рукописей Российской академии наук (СПб.)

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук (СПб.)

ИКДП – Институт книги, документа, письма (встречается – Институт книги, документа и письма) (Ленинград)

ИПБ – Императорская Публичная библиотека (СПб.)

ЛОИИ АН СССР – Ленинградское отделение Института истории СССР Академии наук Союза Советских Социалистических Республик

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук (СПб.)

МКДП – Музей книги, документа, письма (встречается – Музей книги, документа и письма) (Ленинград)

НИА СПбИИ РАН – Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

ГХР – групповое хранение русское

ЗЕС – Западноевропейская секция

РС – Русская секция

ОР ГРМ – Отдел рукописей Государственного Русского музея

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (СПб.)

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

РАИМК – Российская академия истории материальной культуры (Петроград, Ленинград)

РАН – Российская академия наук

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

РГБ – Российская государственная библиотека (СПб.)

РНБ – Российская национальная библиотека (Москва)

ОЛДП – Общество любителей древней письменности

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

СПБИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук